

Ольга Дмитриевна Журавель

*Новосибирский национальный исследовательский  
государственный университет*  
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1  
✉ o.zhuravel@g.nsu.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-49-56

## **ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ОТ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА К ВЕКУ ДВАДЦАТОМУ**

В первой трети XVI века в недрах зарождающейся русской публицистики возникла концепция, которой будет суждено большое будущее. Теория «Москва — третий Рим» впервые была отражена в трех сочинениях 1520-х — 1530-х гг.: в Послании инок псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея великокняжескому дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину и в двух анонимных текстах: Послании великому князю Василию Ивановичу и в сочинении «Об обидах Церкви» [Синицына, 1998]. В ранней версии Послания Филофея в качестве последнего оплота и средоточия истинной веры представлена Москва, а точнее, находящаяся в Кремле церковь Успения Богородицы, «...иже едина в вселенней паче солнца светится [Синицына, 1998. С. 345]. Утверждалась преемственность Руси по отношению к павшей Римской, а затем — Византийской империи: «Вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царьство нашего государя ... Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому

не быти» [Там же]. В другой редакции этого Послания «Третий Рим» отождествлен уже со всем «державным царством». Формированию концепции предшествовали историко-политические процессы, важнейшую роль в которых сыграло укрепление Московского княжества, последствия Ферраро-Флорентийской унии, уронившие в глазах русских идеологов авторитет византийской церкви, пытавшейся идти на компромисс с Ватиканом, а главное — падение Константинополя в 1453 году.

Важнейшим компонентом в этой мифологической, по сути, схеме являются эсхатологические мотивы. Во-первых, это апокалиптическое число четыре, апеллирующее к концу Света и Страшному суду и указывающее на то, что Русь будет оплотом православия до скончания века. Во-вторых, образ «Жены, облеченной в Солнце» из «Откровения святого Иоанна Богослова» (Откр. 12 : 1–17), лежащий в основе сочинения «Об обидах Церкви». Он будет чрезвычайно продуктивен в позднейшей русской публицистике. В сочинении «Об обидах Церкви» «Жена» убегает от преследующего ее дракона в пустыню. В качестве места спасения в данном тексте осмыслялась Русь.

Миссия Руси как последнего православного государства появляется в нескольких монументальных сочинениях XVI века. Самым ярким образцом реализации этой идеи является «Степенная книга царского родословия», первый обобщающий труд по русской истории. В ней представлена схема истории как шестнадцати ступеней (степеней) восхождения к идеалу, и высшей ступенью представлено царствование Ивана IV (отметим, что шестнадцать — число, кратное четырем, и в качестве апокалиптического символа фигурирует в различных текстах наряду с числом четыре).

В конце XVII века концепцию «Москва — третий Рим» подхватывают старообрядцы, дополняя ее аргументами из ученых трудов киевских богословов и применяя к своему вероучению [Бубнов, 1995. С. 92–104]. Она ложится в основу старообрядческих историко-философских построений в контексте эсхатологии, на которой основана

вся идеология защитников старого обряда. Так, дьякон Федор в «Ответе православных» объединил ряд исторических сюжетов, создав обобщающую картину развертывания русской истории. «И в наше пресветлое Руское царство до сих времен многажды заглядывал вселукавый враг, мысля от веры правья отторгнути нас, но не попустившу Богу тогда, яко не еще исполнися Писание и число зверино 1666» [Там же. С. 90]. События русской истории представлены как «наскоки сатаны», напрасные вплоть до расколовшего страну Собора 1666 года. «Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!» — восклицал протопоп Аввакум [Житие протопопы Аввакума, 1960. С. 329]. Поскольку отступление уже свершилось, единственными наследниками и хранителями святости оказываются старообрядцы, не принявшие реформу. Идея преемственности по отношению к традициям Святой, дониконовской, Руси прослеживается в старообрядческой публицистике вплоть до начала XXI века. Смысловой акцент древнерусской теории смещается при этом с Московской Руси как «Третьего Рима» на старообрядческую церковь, которая, согласно Иоанну Златоусту, есть «не стены и покров, но вера и житие».

В начале XVIII века на Русском Севере создается крупнейший Выговский старообрядческий центр, почти полтора столетия оставшийся средоточием отечественных культурных традиций. Его основатели создали литературную школу, в которой древнерусская основа обогатилась современными европейскими риторическими учениями. Усвоив теорию «духовного антихриста», согласно которой «последние времена» уже наступили, выговцы вели полемику с «никонианской» церковью и привлекали на свою сторону все новых последователей. Местом прибежища «Жены, облеченной в Солнце» оказывается уже Выговская пустынь. В сочинениях одного из основателей Выговского центра, крупнейшего писателя и полемиста Андрея Денисова изобилует эсхатологическая топи-

ка, образ «Жены, облеченной в Солнце» становится обозначением и истинной веры, Невесты Христа, и Церкви, избегшей отступления. Так, в «Слове плачевне о злостраданиях и скорбех Церкви Христовой», призывающем к верности учению, «Жена, облеченная в Солнце» предстает как благородная, сединами украшенная женщина, неутешно плачущая о своих детях-отступниках. Встречается в сочинениях Андрея Денисова и изложение теории «Москва — третий Рим» с отсылкой к древнерусским текстам, утверждавшим эту теорию позднее первоисточников (к Уложенной грамоте 1589 г. и Кормчей 1653 г.). Этот идеологический комплекс, основанный на эсхатологическом фундаменте, станет общим местом в старообрядческой публицистике вплоть до «Урало-Сибирского патерика» (сочинение XX века).

Возвращаясь к генеральной линии российской публицистики и общественной мысли, необходимо отметить, что концепция «Третьего Рима», неотъемлемая от национальной идеи «богоизбранности», так или иначе присутствует в построениях традиционалистов и консерваторов. Как известно, она оказала влияние и на официальную теорию народности графа С. Уварова, и на построения славянофилов разных толков, и на публицистику Ф. М. Достоевского, и на труды философов и публицистов начала XX века.

Своеобразное преломление национальная идея, пропущенная сквозь призму эсхатологии, получила в публицистике символистов. Эсхатологические мотивы пронизывают все творчество представителей младшего поколения течения мифопоэтических символистов и являются частью символистской утопии преобразования мира. Эсхатологический миф лежит в основе «аргонавтического мифа», созданного Андреем Белым и его друзьями в начале XX века и концептуально скрепившего все его раннее творчество. В статье «Луг зеленый»<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Статья, написанная в 1905 году, вошла в одноименный сборник 1910 года.

Андрей Белый, опираясь как на художественные образы Гоголя, так и на теософские построения Владимира Соловьева о миссии России, призванной «дать средоточие и целость омертвелому человечеству, чрез соединение его с высшим божественным началом», пишет о России как о Мировой Душе. В качестве единственно верного он утверждает собственный, индивидуальный путь развития страны, отличный от общеевропейского. «Верю в Россию. Она — будет. Мы — будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства. Россия — большой луг, зеленый, зацветающий цветами» [Белый, 2012. С. 377–378]. Образ зеленого луга взят из повести Н. В. Гоголя «Страшная месть». Там он, символизируя русскую землю, предстает как центр мироздания: «Те луга — не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц» [Гоголь, 1985. С. 143]. Россия Андрея Белого — это и «Жена, облеченная в Солнце». Кроме этого, в статье появляется и еще несколько образов из Откровения Иоанна Богослова, в частности: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл... Древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды... и листья дерева для «исправления народов»<sup>2</sup> [Белый, 2012. С. 378]. Путь преобразования России, по Андрею Белому, лежит через апокалипсис.

В позднейшей русской публицистике наиболее полное воплощение концепции, возникшей в эпоху Василия III, мы видим в статьях В. Г. Распутина 1990-х — начала 2000-х годов, отразивших «консервативный поворот» автора. Часть статей вошла в книгу «Эти двадцать убийственных лет». Реконструкция мифологической модели Распутина [Журавель, 2020] позволяет говорить о том, что в своей основе эта модель соответствует концептуальному ядру русского консерватизма, восходящему к XVI веку. Мифотворчество публициста опиралось на структуры, выработанные в националь-

---

<sup>2</sup> Ср.: Откр 22 : 1, 2.

ной традиции, по сути дела, на элементы национальной мифологии, и важнейшим элементом авторского мифа становится эсхатологизм. Постсоветскую реальность писатель воспринимал как время последних испытаний: «...наступила эпоха за гранью жизни. Для нее есть единственный образ — Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова» [Распутин, 2016. С. 44]. Цитаты и аллюзии на Апокалипсис повсеместно встречаются в текстах его статей: «Порой близость к апокалипсическим временам подтверждается поразительным совпадением предсказанных картин и планируемых построений: десять рогов, как десять царств, у торжествующего Зверя в Откровении Иоанна Богослова и “десять царств” ...» [Распутин, 1999]. В аспекте антизападных рассуждений встречается описание Страшного суда: «Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали — гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого еще не бывало, но может быть» [Распутин, 2016. С. 28]. В целом враги, как внешние, так и внутренние («ельцины, гайдары, чубайсы и абрамовичи»), рисуются как «черное воинство ненавистников национальной России» [Там же. С. 190]. Чертами антихриста, «фигуры серьезной», наделяется Петр Первый, в одном положительно окрашенном контексте оказываются имена Ивана Грозного и Иосифа Сталина.

Упоминал В. Распутин и о падении «второго Рима»: «От православия потребовали потесниться, и в Византии появился экуменизм, позднее православие и вовсе отменили <...> Кончилось тем, что в 1435 году турки без особого труда приступом взяли Константинополь, и Византия окончательно ушла в историю. Разве не накладывается эта судьба на судьбу сегодняшней России?» [Распутин, 2016. С. 235]. Последнюю надежду Распутин видит в Церкви, а также в «правде», то есть в народной этике (он пишет о «нашем *самодержавно-народном сознании*» [Распутин, 2016. С. 115]).

Основные вехи истории предстают как элементы сакральной метаистории, пришедшей к своему апокалиптическому рубежу в итоге распада СССР. Эсхатологические идея в публицистике Валентина Распутина являются частью сложного единого мифологического комплекса, в котором можно видеть трансформацию «русской идеи». Мессианство России, ее уникальная роль неизбежно сопровождается демонизацией образа врага и как следствие — идеей изоляционизма. Эсхатологические переживания вызывают ностальгию по «золотому веку», который видится то в Святой Руси, то в СССР<sup>3</sup>, порой их образы сливаются в некое духовно-символическое единство. Именно этот синтез можно наблюдать в концепте «пятой империи» другого публициста — Александра Проханова, автора многочисленных статей в духе неоконсерватизма, а в ветвистой риторике А. Дугина идея «третьего Рима» претерпевает еще более причудливые трансформации.

Эсхатологические мотивы и образы в русской публицистике так или иначе связаны с утверждением особой, уникальной роли России в мировой истории, а идеи мессианства и жертвенности обнажают исторические корни национальной идеи.

### **Литература**

*Белый А.* Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей / Под ред. Л. А. Сугай, сост. А. П. Полякова и П. П. Апрышко / А. Белый. Собр. соч.: в 14 т. М. : Республика; Дмитрий Сечин, 2012. Т. 8. 590 с.

*Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция / Н. Ю. Бубнов. СПб. : Изд-во БАН, 1995. 435 с.

---

<sup>3</sup> Об историософии Распутина см. подробнее: [Каминский, 2013. С. 142-190].

## Журналистика в исторической перспективе

*Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М. : Гослитиздат, 1960. 480 с.

*Журавель О.Д.* Державный миф в поздней публицистике В. Распутина: «русская идея» в эсхатологическом контексте // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2020. Том 19. № 6. Журналистика. С. 70–87. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-70-87.

*Каминский П.П.* «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина: монография / П.П. Каминский. 2-е изд., испр. М. : Флинта: Наука, 2013. 240 с.

*Распутин В.Г.* Сколько лет будет в XXI веке / Газета «Завтра», 3 января 1999 г. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1999-01-0451> (дата обращения 20.10.2022).

*Распутин В.Г.* Эти двадцать убийственных лет / В.Г. Распутин, ред. О.В. Селин. М. : Алгоритм. 2016. 320 с.

*Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н.В. Синицына. М. : Индрик, 1998. 416 с.